

Т. А. ШИРЯЕВА

Общекультурные и институциональные особенности дискурса

Дискурс допускает множество измерений. Так, с прагмалингвистической точки зрения дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий. В свою очередь социолингвистический подход к исследованию дискурса предполагает анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте. В то же время с близких нам позиций лингвофилософии, дискурс — это конкретизация речи в различных модусах человеческого существования, поэтому правомерно, например, выделение таких типов как политический и деловой дискурс, назначение которых ориентировать человека в реальном мире; здесь важны цель и истина для адекватного представления образа реальности и полезного, эффективного действия в ней.

Выбор одного или нескольких конститутивных признаков как критериев обобщения может служить целям возможных классификаций типов дискурсов. Так, в качестве таких признаков выступают:

— цель исследования, на основе которой выделяют деловой дискурс, политический дискурс, массово-

информационный, административный, феминистский дискурс и неограниченное количество других, вычлененных по определенным критериям, направленным на выявление характеристики коммуникативного своеобразия того или иного агента социального действия;

— формы общественного сознания, как то политическое, правовое, мораль, искусство, философия, наука, религия;

— вид деятельности и общественных отношений, которые возникают исключительно на основе общественной потребности¹.

Если отталкиваться от интенциональной базы и ориентированности общения (личность или общественный институт)², можно выделить, наряду с бытовым и художественным, институциональный дискурс (ИД). Подчеркнем, что ИД характеризует коммуникативную ситуацию в рамках общественных институтов, поэтому институциональный дискурс исторически изменчив: исчезает общественный институт как особая культурная система и, соответственно, растворяется в близких, смежных видах дискурса свойственный исчезающему институту дискурс как целостный тип общения.

Понимание дискурса как общекультурного институционального явления находим у М. Фуко, который описывает дискурс как социальную практику, состоящую из высказываний. Последовательности высказываний образуют дискурсивные формации, соотносимые с областями человеческого знания, такими, как экономика, политика, медицина и т.п. Однако дискурсивные формации или дискурсы не совпадают с отраслями науки, они не являются ни прототипами, ни побочными продуктами повседневной жизни, образованной наукой, напротив, наука появляется в элементах дискурсивной формации и на основе знания. Дискурсивные формации понимаются, в первую очередь, как общественные практические области. «Дискурс... — это не сознание, которое помещает свой проект во внешнюю форму языка, это не самый язык и, тем более не некий субъект, говорящий на нем, но практика, обладающая собственными формами сцепления и собственными же формами последовательности»³.

Описание различных типов институциональных дискурсов, обслуживающих общественные институты современного общества, находится в начальной стадии. В рамках социолингвистической исследовательской парадигмы выполнены работы, анализирующие такие виды дискурсов, как политический (ван Дейк, 1989; Водак, 1997; Шейгал, 2000; Желтухина, 2000; Кочкин, 2000; Райкова, 2003), военно-политический (Олянич, 2003), рекламный (Жочетова, 1999; Ильинова, 2003), религиозный (Карасик, 1999; Олянич, 2004), педагогический (Карасик, 1999; Коротеева, 1999; Каратанова, 2003), медицинский (Бейлинсон, 2000), дидактический (Олешков, 2006). Этот список не является строгим или закрепленным, его можно изменить или подвергнуть расширению.

Говоря о соотношении понятий «социальный институт» и «дискурс» невозможно не прибегнуть к концепции Н. Фэркло, заявляющего, что каждый речевой случай состоит из трех измерений: *текст* (речь, письмо, визуальное изображение или их сочетание);

дискурсивная практика, которая включает производство и восприятие текстов; *социальная практика*. Дискурсивная практика выступает своеобразным посредником между текстами и социальной практикой.

Основная задача лингвистического анализа институционального дискурса, на наш взгляд, — вскрыть механизм сложных взаимоотношений между социальным институтом, познанием, речью и поведением⁴. В рамках собственно лингвистических исследований разграничиваются два подхода к анализу коммуникации в различных социальных институтах: *дескриптивный* и *критический*⁵. Дескриптивный подход восходит к классической методике риторического анализа публичных выступлений, представленной в трудах Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана. В современной лингвистике один из аспектов данного подхода связан с изучением языкового поведения в рамках определенного социального института: лингвистических средств, риторических приемов и языковых стратегий⁶.

Так, рассматривая роль институциональности в различных типах дискурса, В. А. Дуалетова отмечает, что институциональность является «системообразующим признаком»⁷ любого типа дискурса, при этом подчеркивая, что «институциональность определяется субъектно-адресными отношениями, которые представлены общественно-институциональной коммуникацией (осуществляется через высказывания автора как представителя института/партии), а также коммуникацией между институтом (автором как носителем статусного индекса) и гражданином (отдельно взятым читателем со всей присущей ему системой политических взглядов и предпочтений).

Другим направлением дескриптивного подхода, тесно связанным не только с лингвистикой, но и с политологией, является анализ содержательной стороны институциональных дискурсов. «Методы контент-анализа и когнитивного картирования позволяют выявить когнитивные диспозиции»⁸ отдельных типов дискурса — ценност-

ные доминанты, склонность к конфликту или сотрудничеству, характер причинно-следственных связей в соответствующих фрагментах картины мира (Костенко 1993; Кордонский 1994; Дука 1998; Волкова 2000 и др.).

В рамках этого подхода невозможно не упомянуть концепцию «конструирования социальной реальности посредством языка» Дж. Серля, в которой он утверждает, что «свойства языка существенны для конструирования институциональных фактов, так как именно они по существу содержат некоторые символические элементы: слова, символы или другие стандартные аппараты, которые способом, принятым в обществе, означают, выражают, представляют или отображают в символической форме что-то вне себя. При этом необходимо подчеркнуть, что, так как институциональные факты существуют только в соответствии с человеческим соглашением, во многих случаях они требуют официальной репрезентации — т. е. индикатора статуса, потому что существование институциональных фактов не может в целом выводиться из грубых физических фактов»⁹. В данном аспекте язык воплощает свою символическую программу как системообразующий феномен, потому что культура представляет собой комплекс образцов, моделей, схем и т. п., которыми носители культуры обмениваются в разных интеракционных плоскостях. Здесь совершенно уместно упомянуть институциональное понимание дискурса Дж. Бломаэрт, которая высказывает мысль о том, что «горы становятся «красивыми», когда кто-то это замечает, распознает, описывает их кому-то еще в тех выражениях, которые заставляют этого другого верить, что горы красивые». Аналогичное происходит с «убыточным производством», «ремиссией болезни» и т. д. Именно эти иллюстрации позволяют заявлять автору, что «институциональный дискурс — это то, что трансформирует мир вокруг нас в социально и культурно значимые понятия. Однако создание этих понятий не происходит в вакууме, оно продиктовано строгими

лингвистическими и социокультурными условиями»¹⁰.

Таковы основные постулаты *дескриптивного подхода* к коммуникативному процессу в рамках того или иного института. *Критический подход* нацелен на критическое изучение социального неравенства, выраженного в языке или дискурсе. Полагаем, что совершенно прав Т. ван Дейк, утверждавший, что «дискурс — социальная практика»¹¹. В работах представителей критической лингвистики¹² рассматривается проблема использования языка как средства власти и социального контроля. Во многих работах, посвященных данной проблематике¹³, определяется, что идеология и культура, будучи макросоциальными явлениями, как коллективные представления действительности на микросоциальном уровне воспроизводятся в дискурсе.

Следует принять во внимание тот факт, что в 1994 г. ученые, занимающиеся критическими исследованиями, объединились в международную сеть CRITICS: Centers for Research Into Texts, Information and Communication in Society (Центры изучения текстов, информации и коммуникации в обществе). Представители этого направления утверждают, что понимание социального порядка наиболее полно и естественно достигается через критическое осмысление власти языка. По их мнению, особенность современного общества состоит в том, что доминирование одной социальной группы происходит не через принуждение, а через согласие, через идеологию, через язык. Как отмечают «критические лингвисты», дискурс является неотъемлемой частью общественных отношений, ибо, с одной стороны, формирует эти отношения, а с другой стороны, формируется ими. Более того, в рамках данной теории всякий дискурс рассматривается тройко: как использование языка; как «вживание» в общественное сознание определенных представлений; как взаимодействие социальных групп и индивидов. Таким образом «критики» проводят исследования социального взаимодействия, обращая внимание на линг-

вистические составляющие последнего. Анализ языковых элементов помогает выявить имплицитно выраженные установки в системе социальных отношений и показать скрытые эффекты воздействия дискурса на эту систему.

На наш взгляд, важное замечание об институциональной природе дискурса было сделано Дж. Суэйлз¹⁴, который определил дискурсивные сообщества как социориторические институциональные группы, объединенные общностью коммуникативных целей. Входящие в дискурсивное сообщество не образуют языкового сообщества, они могут быть дистанционно удалены друг от друга, принадлежать разным этническим слоям. Однако, как совершенно справедливо подчеркивает Дж. Суэйлз, они обладают знанием специальной терминологии, и общий уровень осведомленности в определенной избранной сфере общения достаточно высок. Более того, члены дискурсивного сообщества хорошо осведомлены об особенностях жанровой организации информации и механизмах ее обмена. Способы представления коммуникативных целей принадлежат всему данному сообществу, а не отдельным индивидам.

Релевантной для современных исследований дискурса представляется и точка зрения М. Ю. Олешкова, указывающего что «основной характеристикой институционального дискурса является организующая функция общения»¹⁵.

Более того, практики дискурса — специфические для науки способы подхода к изложению и выражению знаний о своем объекте. Как неоднократно отмечалось многими учеными, каждый объект познания зависит от дискурса и практики дискурса, а опосредованно — и от социальной действительности с ее потоком властных отношений, ограничивающих и обуславливающих ход дискурса. С помощью дискурса происходит объединение социальных и гуманитарных дисциплин, «стирается граница» между ними, вырабатывается общая методологическая база, которую используют исследова-

тели в кросскультурных и научных теориях. Современные исследователи отмечают, что «категория дискурса в социальных науках играет роль, подобную той, что отведена евро в европейской экономике»¹⁶. Институциональный подход к функционированию любого типа дискурса позволяет, на наш взгляд, лучше объяснить неуправляемые спонтанные социальные процессы в условиях возрастающего влияния деятельности людей на окружающий мир. Необходимо подчеркнуть, что дискурс может быть представлен не только как определенный философско-лингвистический феномен, но и как методологический аппарат, применимый к анализу социальных процессов и явлений современного общества. Дискурс может быть использован как один из методологических принципов рассмотрения в человеческой цивилизации тех явлений и форм, которые ее образуют. Техника и порядок дискурса позволяют проследить развитие в историческом и пространственном плане любой социальной формы, явления, события или истории идей, концепций, знаний.

Проблема сущности дискурсов осложняется комплексным характером понятия института. Институциональность может рассматриваться, как минимум, с двух позиций: социальной и дискурсивной. Под институтом в социальном смысле понимается «совокупность норм права в какой-либо области общественных отношений, та или иная форма общественного устройства»¹⁷. В данном направлении существует множество определений социального института, но в конечном итоге все их можно свести к одному: это исторически сложившиеся устойчивые формы взаимоотношения людей, организации их совместной деятельности в наиболее важных сферах общественной жизни. Возьмем, например, торговлю. Явление это существует не одно тысячелетие. Задолго до появления денег, люди использовали в качестве эквивалента стоимости товара различные предметы, жемчуг, раковины, шкуры животных, драгоценные металлы. Однако институт торговли появился гораздо позднее.

Причины появления такого института очевидны: появилась необходимость как-то упорядочить процесс обмена и торговли; установить определенные правила, ответственность за невыполнение обязательств; определить роли субъектов этого процесса (продавец — покупатель) и правила поведения в соответствии с взятой на себя ролью¹⁸. Сначала правила существовали в устной форме, потом стали закрепляться письменно.

Институциональный дискурс есть статусно-ориентированное общение, то есть речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития. Этот тип дискурса представляет собой специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума¹⁹.

Ярким примером вышесказанного является, безусловно, религиозный дискурс.

(1) *BELOVED, we are come together in the presence of Almighty God and of the whole company of heaven to offer unto him through our Lord Jesus Christ our worship and praise and thanksgiving; to make confession of our sins; to pray, as well for others as for ourselves, that we may know more truly the greatness of God's love and shew forth in our lives the fruits of his grace; and to ask on behalf of all men such things as thew well-being doth require. Wherefore let us kneel in silence, and remember God's presence with us now.*

(EVENING PRAYER)

Как свидетельствует текст (1), всем священнослужителям, истинно верующим и регулярным прихожанам, бесспорно, открывается целый мир, который приобретает для них логическую осмысленность и законченность именно в рамках данной текстовой реализации. Отметим, что религиозный дискурс имеет четко выраженную структуру.

Его специфика заключается в том, что в отличие от других типов дискурса, конститутивными участниками этого общения являются не только священнослужители и прихожане (внутренние и внешние участники), но Бог, к которому обращены молитвы, псалмы, исповеди в ряде конфессий и т. д. Цель религиозного дискурса состоит в приобщении к вере в рамках определенной конфессии. Ценности религиозного общения сводятся к ценностям веры, таким, как признание Бога, понимание греха и добродетели, спасение души, ощущение чуда, соблюдение обрядов. В религиозном общении суть дискурса состоит в открытом утверждении ценностей. Эти ценности выражаются в чистом виде, в форме иносказания и притчи, а также в повествовании, когда логика сюжета является фактором убеждения.

Как справедливо замечает А. Н. Миронов, «основной трудностью «смысло-логического» восприятия религиозного дискурса является вербальное определение сущностного (фундаментального) значения. Найденные фундаментальные значения слов религиозного дискурса позволяют получать достоверный прогноз как самой возможности воплощения излагаемого, так дают и однозначное понимание ее наиболее вероятного результата.

(2) «...примите, ядите; сие есть тело мое... пейте из нея все; Ибо сие есть кровь Моя новаго завета за многих изливаемая во оставление грехов. Сказываю Вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в царстве Отца моего...».

(Евангелие от Матфея, глава 26, стихи 26–29)

Пользуясь предложенным «смысло-логическим анализом» текстов Евангелия А. Н. Миронов приходит к выводам, что «данная сцена, ставшая впоследствии основой акта христианского причастия, конечно же, располагает всех ее участников к глубокому эмоциональному единению... В этой сцене всем ее участникам и наблюдателям через рассуждения о потреблении плоти

и крови внушается мысль, что главное любить Христа всем сердцем, в котором плоть и кровь соединены как ни в чем ином»²⁰.

Следует заметить, что любое нравственное учение, в том числе евангельское, «излагается с помощью слов «умозрительного» ряда, которые в отличие от слов «наименовательного» или «наглядно-чувственного» ряда не допускают своей замены без существенного смыслового изменения всего текста в целом. Другими словами переименовать понятия «справедливость», «истина», «грех», «душа» во что-то иное практически невозможно.

Подводя некоторые итоги, подчеркнем, что, исследуя дискурс, лингвистика вовсе не уходит от своего главного объекта — языка. В образе дискурса язык повернулся к лингвисту своей необычайно сложной социальной стороной, что требует поиска новых подходов и методов, отличных от традиционных. Для современного гуманитарного мышления характерно повышенное внимание к роли языка в формировании социокультурного семиотического компонента общественного сознания и в межкультурном социальном взаимодействии, что влечет за собой и соответствующее расширение сферы лингвистических исследований. Интересы лингвистики в настоящее время существенно сместились со структурного описания языка на тот исторический контекст, в котором язык развивается и функционирует.

¹ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

² Карасик В. И. Религиозный дискурс. // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. Волгоград, 1999. С. 5–19.

³ Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 69.

⁴ Stubbs, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford, 1983.

⁵ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография. Волгоград, 2000.

⁶ Бейлинсон Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса: Автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2001; Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. Волгоград, 2004.

⁷ Даулетова В. А. Вербальные средства создания автоимиджа: Автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

⁸ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография. Волгоград, 2000.

⁹ Searle J. (1995). The Construction of Social Reality. New York, Free Press. <http://www.philosophy.ohio-state.edu/searle.html>

¹⁰ Blommaert Jan Discourse: A Critical Introduction. Universiteit Gent, Belgium, 2005.

¹¹ Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, 1998.

¹² Wodak R., M. Meyer, M. Methods of critical discourse analysis. London, 1996.

¹³ Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. Изд. 2-е., М., 1996; Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.

¹⁴ Swales J. Academic discourse. Harlow, UK, 1990.

¹⁵ Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса. Нижний Тагил, 2005.

¹⁶ Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

¹⁷ Singh, Parlo Institutional Discourse and Practice: A case study of the social construction of technological competence in the primary classroom. British Journal of the Sociology of Education, 1993, №14. P. 39–58.

¹⁸ Аполлонова Л. П. Журналистика как социальный институт // Филологический вестник РГУ. Ростов н/Д. 2006. №2. С. 38–49.

¹⁹ Карасик В. И. О категориях дискурса. // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. ВГПУ; СГУ. Волгоград, 1998. С. 185–190.

²⁰ Миронов А. Н. Прямая речь Иисуса Христа: смысло-логический анализ. СПб., 2005. С. 194–196.